

«Бабушкин фартушок».

Проснувшись, подрастающая детвора, первым делом, робко глядела на лицо в тяжелой зелено-серой рамке, окаймленное восковыми цветочками. Лицо следило целый день за нашими действиями: сотворить чего-нибудь нельзя, соврать нельзя, обмануть тоже нельзя. Только на улице мы забывали обо всем и давали себе волю расслабиться по всей детской программе. К вечеру возвращались домой: кто с шишкой, кто с рванными штанами, с обязательными ссадинами на коленях.

Дома встречала бабушка в своем серо-зеленом фартуке, сразу же устраивала разбор «полетов», при этом иногда отрывала руки от старого заплатанного фартука, поднимая в верхний угол свой кривой от времени палец, говорила: «Эх вы, фулиганье! Опять подрались! Боженька накажить», вытирая краем фартука, пахнувшего всегда жареным луком, кому руки, кому нос. Свой фартук она почему-то называла фартушком. Слушая нотации, мне так хотелось прижаться к ее фартуку, порыться в кармашке, где всегда были в коробочке лампосейки, или семечки рыжие, черные, полосатые – в общем с нашего огорода, которые так не хотелось нам по-осени выколачивать из больших подсолнечных шляп. Те, что постарше меня в кармашке тайком брали серки – так бабушка называла спички, братья еще подлетыши – а уже за сараем покуривали – шли на неведомый риск, вытаскивая из кармана спички. Когда мы грешили, в ушах всегда звучала бабушкина молитва, просящая Бога о наставлении нас на путь истинный.

Продолжая указывать на образ в рамке, бабушка выстраивала нас лицом к образу, и начиналась вечерняя молитва. «Отче наш» знали все, даже те, которые с трудом выговаривали слова. После молитвы усаживались за вечерний стол: молоко с целой картошкой, свиные шкварками с луком, а на третье – по одной лампосейке. Оооо, как мы мучились с луком, но съедали под суровым взглядом боженьки и заманчивым карманом бабушкиного фартушка, где гнездились разноцветные леденцы под красивым названием «монпансье».

К праздникам все в доме преображалось. Особенно любили предрождественские дни, начиналась серьезная подготовка. Дед одевал овечью шубенку, брал гармошку и шел в хитрую кладовочку. Нас туда не пускали. Она всегда была на всячем замке, как только в кладовой заиграла гармошка, значит «процесс пошел». Туда иногда забегала бабушка, положив в кармашек фартука кусочек хлеба с салом и чесночком... Чуть погода, оттуда доносились наперебой частушки!

Самое время нам баловаться: поноситься по избе, попрыгать со скамеек, постучать ухватом об пол, побрякать ложками по сковороде, одеть простынь и пугать меньших, загоняя их под печку и лавки. Как только замолкала гармошка в хитрой кладовочке – самодеятельный театр в доме прекращался, на пороге появлялась неузнаваемо веселая бабушка, неся в руках что-то завернутое и поставив это «что-то», вроде бутыля, в высокую корзину, прикрыв фуфайкой, объявляла: «Сюда неззя лазить, это отцу и деду для сугрева, а завтра будем стряпаться к Рождеству». Потом открывала сундук, вытаскивала нарядное полотенце и вешала на рамочку, в которой жил молчаливый член семьи, имя ему – БОГ. И мы начинали учить колядки:

«Колядин, колядин, я у батька сын один,
По колена кажушок, дайте, тетя, пятачок,
А вы, дядя, гроши – будете хороши!»

А девчонки учили щедривочки, тараторили как сороки, и нам это нравилось. Дом наполнялся весельем, вовремя появлялся дед с гармошкой, бабушка молодеда, притопывала ногой, и шел перепляс.

Наутро бабушка одевала предпраздничный цветной фартук, туго подвязывала косынку – начинала месить тесто для рождественских бубликов. Готовила большущий замес – эдак

примерно выходило на мешка два бубликов. Вечером собиралась родственная толока. За тремя столами крутили-вертели тесто, пели песни, а потом рассказы рассказывали, как нечистая сила бушует в ночь перед рождеством - боялись за своих коров, которых доят ведьмы по ночам. А мы на широкой печи ждали бубликов, не дождавшись... засыпали.

Бублики не пекли, а варили в чугуне в бурлящем кипятке, когда бублики всплывали, их вытаскивали и отправляли на деревянной лопате прям в печь. Среди тлеющих углей подсушивали до блестящей румяной корочки, а затем бабушка с лопаты сбрасывала в большую корзину, а дед выносил горячими на мороз, а затем мерзлые сыпал в мешки и уносил в кладовку под замок, чтобы «малые» раньше времени не соблазнились и не растаскивали до колядок. По окончанию работы, дед ключ клал в карман бабушкиного фартушка, висящего бездыханно возле печке на гвоздочке. За лето фартук порядком устал, нося с огорода огурцы, из курятника - яйца, из дровника - дровишки, а сегодня, отдыхая, наблюдал вместе с молчаливой иконой за всем происходящим в доме. Предпраздничная суэта продолжалась ежедневно: вешали свежие зановесочки, надевали вышитые наволочки, а вот и мелькнула вязаная круглая салфетка и плавно опустилась на радио, которое никогда не говорило об этом таинственном празднике, но висело рядом с иконой.

Наступил долгожданный праздник - Рождество Христово. С утра мы одевались в нарядные одежды, сшитые руками матери. Довольные своими нарядами, кружились вокруг себя, раздувая подол, держась за косички с вплетенными атласными лентами, тщательно оценивали друг друга и, замечая... что у всех наряды с кармашками - критерий высочайшей моды, а главное - мы чем-то были похожи на бабушку. О бабушке вообще отдельный разговор. Белый платок с кистями, серо-зеленая милистиновая кофта, такая же по цвету, юбка в две оборки, белоснежный фартук с такой же белой околodочкой (так называли внизу пришитые кружева). Одежда ей придавала еще большей строгости, подстать иконе, со взглядом все тем же таинственным, загадочно-необъяснимым, без устали следящим за своей наставницей, выполнявшей миссию ВЕРЫ.

Стол накрыт во славу великого праздника. В течение года, запасались продуктами, посещая даже базары: брали всякие вкусные хитрости, вот они знаменитые урючные кисели, в которых мы с наслаждением выбирали урюк во имя косточки, а рядом - нежный молочный кисель, пироги с пасленом и черносливом, с морковью и, конечно же, со свеклой вперемешку с изюмом. Кренделя рассыпчатые: гуськи, звездочки и забытая кулебяка, которую любил дедушка. Всю эту красоту перебивал запах двух жареных гусей и пара уток. «Чтобы все в паре жили», - приговаривала бабушка. А петушков, томленных в сметане, было столько, сколько мальчиков в доме, дед говорил: «Ешьте! И чтобы были такие красивые и сыльные, как петушки!». А несущек бабушка жалела, говорила: «Яйца нужны к Пасхе».

Из конфет лежали праздничные помадки, кофейные подушечки, мармеладки, синий крупный горошек и розовые пряники. Только не было ломпасеек. Они по-прежнему лежали в круглой жестяной блестящей баночке бабушкиного фартушка и ждали своего часа. И он настал. После святок начиналась будничная жизнь. Бабушка разучивала с нами новую молитву, с простым названием «ВЕРУЮ», после чтения раздавала по пять лампосеек, с призывом, чтобы хорошо учились, а кто первый выучит молитву, тому доставалась баночка из-под ломпасеек, в ней хранили перья, резинки, денежку, булавки и... крестик... учителя не разрешали носить крестики на шее.

Прошло много лет... Радио заговорило о Рождестве, крестик перекочевал на простой веревочке на грудь, а в обложке паспорта образ бабушки в серо-зеленом фартушке с молитвой, переписанной ее рукой «ВЕРУЮ».